

Сергодеева Елена Александровна, Сапрыкина Екатерина Владимировна

**ФИЛОСОФСКИЙ ДИСКУРС В КУЛЬТУРЕ ПОСТМОДЕРНА**

В статье анализируются изменения философского дискурса, характерные для современной интеллектуальной ситуации постмодерна и рассматриваемые сквозь призму трансформации научной рациональности и интеллектуальных практик в целом. В связи с этим указывается, что в культуре постмодерна расширяется поле рациональности и отмечается устойчивый тренд изменения формата философского дискурса в сторону литературы и литературной критики. Авторами обосновывается, что постмодерновый философский дискурс характеризуется принципиальными различиями в сравнении с классическими стандартами философской рациональности.

Адрес статьи: [www.gramota.net/materials/3/2014/9-1/37.html](http://www.gramota.net/materials/3/2014/9-1/37.html)

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2014. № 9 (47): в 2-х ч. Ч. I. С. 142-146. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: [www.gramota.net/editions/3.html](http://www.gramota.net/editions/3.html)

Содержание данного номера журнала: [www.gramota.net/materials/3/2014/9-1/](http://www.gramota.net/materials/3/2014/9-1/)

**© Издательство "Грамота"**

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: [www.gramota.net](http://www.gramota.net)

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: [hist@gramota.net](mailto:hist@gramota.net)

УДК 1:101.1; 101.2

**Философские науки**

*В статье анализируются изменения философского дискурса, характерные для современной интеллектуальной ситуации постмодерна и рассматриваемые сквозь призму трансформации научной рациональности и интеллектуальных практик в целом. В связи с этим указывается, что в культуре постмодерна расширяется поле рациональности и отмечается устойчивый тренд изменения формата философского дискурса в сторону литературы и литературной критики. Авторами обосновывается, что постмодерновый философский дискурс характеризуется принципиальными различиями в сравнении с классическими стандартами философской рациональности.*

*Ключевые слова и фразы:* философский дискурс; постмодернизм; рациональность; стиль философствования; «смерть философии».

**Сергодеева Елена Александровна**, д. филос. н., профессор

**Сапрыкина Екатерина Владимировна**, к. филос. н.

*Северо-Кавказский федеральный университет*

*sergodeewa@rambler.ru; saprikat@rambler.ru*

**ФИЛОСОФСКИЙ ДИСКУРС В КУЛЬТУРЕ ПОСТМОДЕРНА®**

В современной социокультурной ситуации все чаще ставится под сомнение мировоззренческий статус философии, подвергается критике ее неспособность к целостному осмыслению реальности и формированию интеллектуально монолитной картины мира. Для философии эпохи постмодерна, по мнению многих исследователей, свойственна маргинализация и фрагментация, существование в виде «заметок на полях», а не фундаментальных и рационально построенных трактатов. И. А. Гобозов, в частности, подчеркивает, что философия перестает играть какую-либо мировоззренческую роль, поскольку она не способствует формированию культуры мышления, не помогает культурному обогащению человека. Если это так, то философия теряет свое культурное значение, а значит – нет смысла тратить время на ее освоение. Эти обстоятельства зачастую вызывают радикальную реакцию, позволяющую утверждать о «смерти философии» в современной культуре [1].

Действительно, положение философии в ситуации постмодерна довольно неоднозначное, поскольку его интеллектуальная атмосфера возникла именно из-за сомнения в возможности существования науки, идеологии и других метанарративов. Постмодерн, по мнению Ю. Хабермаса, приводит к ситуации, которую он обозначает как «новая непросматриваемость» или «новые потемки» и которая, в сущности, соответствует фундаментальной переориентации социального и культурного развития [14]. Это проявляется в следующих моментах. Во-первых, это конец веры в разум и крушение традиции рационализма. Во-вторых, постмодерн означает «конец» возможности мыслить идею единства и всеобщности (тотальности). Третьим аспектом постмодерна является отказ от принципа субъективности. Человеческая личность, понятая как автономный субъект, перестает быть основополагающим культурным фактом, чем констатируется кризис модернистской традиции гуманизма, утверждавшей самоценность и высшее достоинство человека как личности. Однако провозглашение постмодернистами «конца» философии означает, по нашему мнению, не исчерпание возможностей философии в целом, а всего лишь «конец» классической систематической философии в качестве господствующей традиции в культуре. Рациональность, рожденная в эпоху Просвещения и обслуживающая ее идеологию, потеряла свою адекватность в случае с современными культурными формами.

Стоит отметить, что общая тенденция эволюции человеческого разума заключается в его освобождении от монологичности, от собственных метафизических посылок и в наращивании способности вопрошать, критиковать и трансформировать собственные основания. Значимо то, что эта тенденция в своих принципиальных основаниях согласуется с изначальными интенциями философского мышления. «Философы, сомневаясь в точке зрения обывателя и разыскивая выход за пределы обыденных структур опыта, подозревают о сокрытии истины, что порождает различные стратегии «очищения» сознания, попытки конституирования истинной субъективности и т.п. Данная тенденция, отчетливо прослеживающаяся практически во всех исторических формах философской мысли от Декарта и Канта до феноменологов и аналитиков, в нынешней ситуации приобретает новое звучание, обусловленное изменившимся статусом субъекта в современной культуре» [11, с. 40-41].

Разум в ситуации постмодерна «избегает» всех форм монизма и универсализации, не приемлет единой общеобязательной концепции и интеллектуального деспотизма, постулирует многомерный образ реальности, неустранимость множественности описаний и «точек зрения», их дополнительности. Это открывает новые возможности для развития философии. Поэтому правомерно говорить не о «смерти» философии как таковой, а об ее переходе от форм законодательного, метафизического, монологического разума к разуму критическому и коммуникативному. Философия благодаря этому отказывается от поиска универсальных форм развития человечества в целом и создания столь же универсальной системы ценностей, которые являются приоритетными

в проекте модерна. Этот отказ ведет к существенному расширению поля рациональности, с включением художественно-образных и иррационалистических компонентов. Н. А. Терещенко и Т. М. Шатунова отмечают, что данная ситуация была удачно описана Лиотаром, который подчеркивал, что «постмодерн – это постоянно принимаемые роды модерна, обращение к его основам и к началу искусства, философии, культуры в ситуации, когда все уже завершено, умерло, достигло своей конечной формы, а значит, опять только начинается. Начинается философствование в вечно старой –новой” ситуации, когда само философствование невозможно. Точнее, невозможно философствовать классическим способом, классическими средствами, начинается философия не только в форме философии» [12, с. 47-48].

В этой интеллектуальной ситуации наблюдаются очевидные изменения философского дискурса. В самом общем виде эти изменения находятся в русле трансформаций научной рациональности и интеллектуальных практик в целом. Однако вопрос о собственно философской рациональности специфичен в силу ряда причин.

Во-первых, это изначальная рефлексивность самой философии, ее способность подвергать сомнению не только «здравый смысл», инструментальное знание, опыт, но и саму себя, свои методы, особенности трансформации, роль и значение (можно даже сказать, злободневность) для текущих социальных и культурных событий.

Во-вторых, это уже описанные выше особенности современной интеллектуальной ситуации, на фоне которых все чаще возникают идеи о ненужности и неуместности философии, о ее аристократизме и «отрыве от реальности».

Наконец, в-третьих, это проблема самоидентификации российской философии. Сюда относятся как вопросы о месте и особенностях национальной отечественной философии в глобализирующемся мировом философском сообществе, так и проблема профессионального статуса философии в российской системе образования и науки. В. И. Пржиленский, в частности, обрисовывает эту проблему следующим образом: «Оторвавшись от своих традиций, будь то религиозный идеализм или диалектический материализм, российские философы испытали колоссальное влияние прежде малодоступных текстов, овладели идеями, оперировать которыми можно было лишь в критически-негативном контексте. Но они, за редким исключением, не примкнули к уже существующим в западных странах школам, а стали мыслить самостоятельно и автономно, ставя и решая проблемы, которые в пространстве мировой философской мысли или не возникали, или формулировались качественно иным образом» [7, с. 139].

Все три обозначенных обстоятельства эксплицируются во внешней институциональной и внутренней дискурсивной трансформации философии, которая ярко проявляется на поверхности академической жизни – в трудной смене поколений, интеллектуальных ориентаций и исследовательских парадигм, самого языка философии. Основной фокус этих проблем концентрируется в изменениях философского дискурса, который отражает эволюцию философской проблематики во взаимовлиянии социокультурных и когнитивных факторов.

Современный философ сталкивается с проблемой собственной идентичности – необходимостью осмысления злободневных проблем современности и их формулирования в терминах, адекватных в современной ситуации, с одной стороны, и сохранения аутентичного языка, когда он должен выходить за рамки узкоспециализированного опыта и делать универсальные обобщения – с другой. Эта ситуация усугубляется сложной внутридисциплинарностью самого современного философского знания, когда оформляются многие отрасли философского анализа (философия науки, искусства, религии и т.п.), с неизбежностью выполняющие функции методологического моделирования и аксиологического сопровождения конкретно-научных исследований.

Стоит особо акцентировать тот факт, что философия в современной культурной ситуации берет на себя новые, несвойственные ей ранее, функции. К ним относятся, прежде всего, игровая и коммуникативная функции. Игровая функция, которая, по сути дела, является подчиненной герменевтической, выражается в вольном, свободном обращении со смыслами и значениями слов и философских терминов и участвует в порождении новых смыслов. Она возникает из постмодернистского принципа «свободной игры мысли», который демонстрирует условность всякой интерпретации культурных текстов и подчеркивает неизбежность ошибочности любого их прочтения. Этот принцип находит свое воплощение в методе деконструкции, суть которого заключается в выявлении внутренней противоречивости текста, в обнаружении в нем скрытых и незаметных «остаточных» смыслов, доставшихся от дискурсивных практик прошлого, закрепленных в языке в форме неосознаваемых мыслительных стереотипов. Все это приводит к возникновению в тексте так называемых противоречий, как бы изначально присущих природе языка, когда автор вкладывает один смысл, а текст обретает дополнительный, неведомый автору, смысл. Деконструкция нацелена на выявление противоречий в системе «автор – текст – читатель» и тематизацию их в качестве предмета собственной философской рефлексии.

Эта идея связана с постмодернистскими представлениями о том, что любое теоретическое мышление с неизбежностью является художественным или поэтическим. Показательна в связи с этим позиция Р. Рорти, который считает, что все философские системы, когда-либо существовавшие и только создаваемые, представляют собой метафоры. Причем замена одной метафоры другой осуществляется не в результате поиска аргументации, а посредством переописания, которое представляет собой языковую игру, основанную на воображении и стимулируемую стремлением к новизне [9, с. 38, 85].

Ж. Делез и Ф. Гваттари в статье «Что такое философия» заостряют внимание на том, что она представляет собой игру в творчество или конструирование концептов [2, с. 46]. Концепт они определяют как событие, обладающее философской значимостью, которому соответствует свой план имманенции, то есть образ мысли, посредством которого она сама себя представляет. В историко-философской ретроспективе они выделяют следующие планы имманенции: созерцание – в античности, рефлексия – в Новое время, коммуникация –

в XX веке. Тот или иной план имманенции, по мнению этих мыслителей, предполагает и построение особого рода философских систем. Концепты, таким образом, создают свой мир, свой тип мышления и свое бытие.

Новое звучание в изменившейся социокультурной ситуации приобретает и присущая философии коммуникативная функция, которая заключается в обеспечении связи и преемственности между различными историческими эпохами, формами культуры и способами знания, что позволяет «обеспечивать так называемый диалог культур, культурные трансформации и культурное посредничество» [6, с. 134]. Постсовременный мир характеризуется ускорением процессов социокультурного развития, увеличением нестабильности и неравновесности, что требует поисков новых ракурсов осмысления социальной реальности и способствует умножению способов теоретического мышления. Философия в данном контексте выступает в качестве одного из возможных интегральных способов освоения действительности, восполняя разрозненный и фрагментарный характер познания, свойственный современной эпохе.

В связи с изменением способов и условий функционирования философии в культуре постмодерна западные и отечественные философы отмечают устойчивый тренд изменения формата философского дискурса в сторону литературы и литературной критики. Проблематика постмодерна складывается, как правило, в дихотомии прежним философским традициям: автономному субъекту классического рационализма противопоставляется идея «смерти субъекта» или «смерти автора»; модели языка как сказа бытия противостоит концепция языка как «говорения на поверхности»; на смену линейной концепции необратимого исторического времени приходит представление об одновременном сосуществовании «всех времен». В результате этого на первый план выдвигаются экзистенциально-антропологические, герменевтические направления в философии, что находит выражение и в новом философском дискурсе.

Как пишет Р. Рорти, интеллектуалы Запада со времен Возрождения прошли через три этапа: «сначала они надеялись получить искупление от Бога, потом – от философии, теперь того же ждут от литературы» [8, с. 31]. Показательны в этом смысле многие отечественные дискуссии об «академической и неакадемической философии» [5]. При этом подобную трансформацию дискурса оценивают далеко неоднозначно. В. Семенков отмечает: «Еще Мартин Хайдеггер полагал, что эта замена строгой философской мысли на литературные упражнения была упадком, сдвигом от серьезного мышления к поверхностному любопытству. Многие философы – поклонники естественных наук согласились бы с ним по данному вопросу. Однако сам Ричард Рорти полагает, что эта смена философских дискурсов была шагом вперед» [10, с. 111].

Метатеоретическим основанием подобных изменений выступают, как мы уже подчеркивали, философские девизы постмодернизма. Именно они, даже в случае их критической рецепции, задавали общий интеллектуальный фон пересмотра традиционного дискурса и, прежде всего, классического концепта субъект-объектных отношений, столь проблематичного и существенного для парадигмы мышления Нового времени. Постмодернистскую модель описания мира можно охарактеризовать как «ино-научную», заключающуюся в критическом пересмотре эпистемологической ценности классической научной картины мира.

Один из мифов-нарративов модерна базируется на идеях научности, рациональности, истины и претендует на создание решений-рецептов, опирающихся на истину и, в силу своей особой эффективности, всегда и везде применимых. В это время была осознана и легитимирована разница между просто сообщением, повествованием (дискурсом) и научным знанием, которое приобрело статус экспертного, а значит, обнаружило властный и репрессивный потенциал. Как отмечает М. Фуко, научный дискурс не противостоит дискурсу власти, а является одним из его вариантов, причем научный дискурс связывается с формированием дисциплины – анонимной системы, играющей роль контрольной инстанции над производством дискурса и реализующей функции власти – принуждения и ограничения [13, с. 47-96]. Постмодернизм провозглашает финал утопической эры, ориентировавшейся на одну истину, один образ мира, один художественный способ либо одну научную методологию. В постмодернизме объективный образ мира сменяется представлением мира в определенных социальных и лингвистических конструкциях, определяемых социальными процессами, отягощенных идеологическим выбором участников и структурой властных отношений. Знание не содержит образов реального мира, оно состоит из конструкций, построенных на основе когнитивных интерпретирующих схем.

Стоит, однако, сказать, что «литературный» характер философских текстов вовсе не является nonsensом или сугубо современным феноменом. А. Л. Никифоров в своей статье «Природа философии» убедительно показывает, что философское творчество на всем протяжении своего существования было тесно связано как с наукой, так и с искусством. Поэтому можно говорить о параллельном существовании двух стилей философии – рациональном и литературном. «И точно так же, как говорят о сосуществовании в философии – линии Демокрита и линии Платона» (прошу прощения за плагиат), эмпиристской или рационалистической ориентации философов, имеет смысл, возможно, говорить о научной и литературной линиях в философии. Особенно ярко и резко различия в ориентациях философов на науку или на искусство проявились в последние сто пятьдесят – двести лет. Сейчас эта разница в способах философствования, в стиле изложения философских идей стала столь велика, что представители этих разных стилей философствования не читают работ друг друга и часто неспособны понять их. К этому добавляется еще и то, что как научное, так и в особенности литературное философствование в последнее время часто вырождаются либо в квазинаучную болтовню, либо в псевдолитературное пустословие» [4, с. 6].

Не обсуждая перспективы развития данных стилей философствования, сосредоточимся на вопросе рациональных и эвристических возможностей «литературной философии». Этот вопрос тесно связан с проблемой стандартов современной научной рациональности. Действительно, на основе чего следует ориентировать философские исследования, если сами научные идеалы и стандарты крайне проблематизированы

в нынешней ситуации. Более того, сама ситуация, обозначаемая терминами «постмодерна» и «постнеклассики», обычно характеризуется как раз через отрицание прежних познавательных стандартов. Однако впечатление о категорическом пересмотре всего прежнего опыта рациональности возникает лишь при ее сужении до рациональности классической науки.

Излишнее «научообразие» философии в этой связи можно считать поэтому причиной ее сегодняшней критики. Стремясь к классической рационализации, она рискует утратить собственную аутентичность, перестав вопрошать о смысле. Поэтому литературные трансформации философского дискурса не должны восприниматься как результат внешних воздействий постсовременной культуры или стремление к ослаблению стандартов интеллектуальной техники. Можно согласиться с точкой зрения А. А. Лежебокова относительно того, что «через полезность иницируется деятельность социальных субъектов» [3, с. 112]. Философы обращаются к новым интеллектуальным техникам именно для того, чтобы ответить на новые культурные вызовы и суметь встроиться в новые конфигурации социальных практик. В. Семенков отмечает: «Ныне сформировалась новая сфера потребления философского продукта: сфера приватного в человеческой жизни, и это задает новые требования к философскому образованию. Речь идет о том, чтобы философия выполняла не только функцию просвещения, но и функцию адаптации к современной жизни... Можно сказать и иначе: все больше людей испытывают потребность в свободной форме потребления той же идеологии/мифологии. Эта дистанцированность от идеологии достигается через формирование навыка речевых практик философского дискурса» [10, с. 114].

Новый формат философского дискурса тем самым делает философию адекватной современной, достаточно противоречивой культурной ситуации. С одной стороны, возрастает свобода выбора человека способа своего существования, стиля жизни и типа поведения, с другой – разрушаются прежние культурные ценности, становятся не востребуемыми готовые схемы и образцы поведения. Это приводит к растерянности и бессилию человека перед неизвестностью, увеличению его незащищенности перед лицом неконтролируемых перемен. В сложившейся ситуации актуализируется критическая функция философии, способствующая успешной мироориентации человека.

Философия как критика понимается в качестве нравственной позиции индивида в постмодернистской культуре, требующей критической рефлексии по отношению к самой рациональности, поскольку одной из особенностей современной ситуации является «онаучивание» жизненного мира человека. Недоверие к научному разуму связано как раз с ростом негативных последствий внедрения научных моделей в человеческую жизнедеятельность. Замена традиционных форм интеграции людей социальными структурами, планирование и управление стали причинами искажения внутренней природы человека. Именно это актуализирует задачу критического анализа односторонних тенденций научно-технического развития и поиска новых ориентаций, способствующих соединению науки с жизненными ценностями. Философская критика в ситуации постмодерна, представленная многообразием форм, становится социально ориентированной и служит условием преодоления прежнего миропонимания и мироотношения.

Таким образом, постмодерновый философский дискурс характеризуется принципиальными различиями в сравнении с классическими стандартами философской рациональности. Эти различия касаются понимания характера взаимоотношений философа с текстом, предмета и способов познания, содержания и природы полученного знания, а также форм его изложения и последующих интерпретаций. Ослабление строгих канонов рационализации философского дискурса адекватно плюрализации действительности в постмодерновой культуре, для которой симптоматично сосуществование самых различных форм, ценностных ориентаций и смысловых структур.

#### Список литературы

1. Гобзов И. А. Кризис современной эпохи и философия постмодернизма // Философия и общество. 2000. № 2. С. 35-45.
2. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М.: Институт экспериментальной социологии. СПб.: Алетейя, 1998. 288 с.
3. Лежебоков А. А. Социокультурный статус местного самоуправления в структуре гражданского общества // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2013. № 4. С. 110-112.
4. Никифоров А. Л. Природа философии // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2009. № 3 (7). С. 5-17.
5. О стиле философствования: академичность и ее альтернативы: панельная дискуссия // Эпистемология и философия науки. 2007. № 1. С. 49-75.
6. Попов В. В. Особенности постнеклассической рациональности в социально-философском контексте // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 3 (29). Ч. I. С. 131-135.
7. Пржиленский В. И. Российские философы в «лабиринте идентичностей» // Философские науки. 2009. № 2. С. 134-140.
8. Рорти Р. От религии через философию к литературе: путь западных интеллектуалов // Вопросы философии. 2003. № 3. С. 30-41.
9. Рорти Р. Случайность, ирония, солидарность. М.: Русское феноменологическое общество, 1996. 280 с.
10. Семенков В. Философия как литература: об институциональных последствиях изменения формата философского дискурса // *Res Cogitans*. 2010. № 7. С. 111-117.
11. Сергодеева Е. А. Подозрение как феномен современной культуры // Философские науки. 2013. № 6. С. 40-49.
12. Терещенко Н. А., Шатунова Т. М. Постмодерн как ситуация философствования. СПб.: Алетейя, 2003. 192 с.
13. Фуко М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Магистериум-Касталь, 1996. 448 с.
14. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М.: Весь мир, 2003. 416 с.

## PHILOSOPHICAL DISCOURSE IN CULTURE OF POST-MODERNISM

Sergodeeva Elena Aleksandrovna, Doctor in Philosophy, Professor  
Saprykina Ekaterina Vladimirovna, Ph. D. in Philosophy  
North-Caucasus Federal University  
sergodeewa@rambler.ru; saprikat@rambler.ru

The article analyzes the changes of philosophical discourse typical for the modern intellectual situation of post-modernism and investigated in the light of the transformation of scientific rationality and intellectual practices on the whole. In this connection the authors indicate that in the culture of post-modernism the sphere of rationality broadens and there's a stable trend for changing the format of philosophical discourse towards literature and literary criticism. The authors justify that a post-modern philosophical discourse is characterized by cardinal differences in comparison with the classical standards of philosophical rationality.

*Key words and phrases:* philosophical discourse; post-modernism; rationality; style of philosophizing; "death of philosophy".

УДК 94(47)

**Исторические науки и археология**

*В статье проанализирована источниковая база исследования роли, особенностей и методов внешней политики РФ в Южной Осетии (1991-2013 гг.). Авторская группировка источников позволяет проследить специфику их формирования, а также выявить присущие каждой группе особенности, влияющие на представления научных кругов о южноосетинском вопросе в политике России. Представленный анализ позволяет дать более объективную оценку трансформации политики РФ в отношении Южной Осетии в исторической перспективе.*

*Ключевые слова и фразы:* Южная Осетия; Грузия; Россия; грузино-осетинский конфликт; Южный Кавказ; российско-грузинские отношения.

**Серый Николай Иванович**

Костромской государственный университет имени Н. А. Некрасова  
disser44@mail.ru

**ЮГООСЕТИНСКИЙ ВОПРОС В ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (1991-2013 ГГ.):  
АНАЛИЗ ИСТОЧНИКОВОЙ БАЗЫ<sup>©</sup>**

Южный Кавказ исторически является ареной геополитических столкновений как региональных, так и международных акторов, а также зоной государственных интересов РФ. Работа с источниками, посвященными политике РФ в отношении Южной Осетии, осложняется следующими обстоятельствами: 1) наличием политико-идеологического фона, где в источниках присутствует субъективная риторика и ангажированный подход к оценкам событий; 2) присутствием засекреченной информации, отрывочных, дезинформационных сведений; 3) широкой трактовкой источникового нарратива, включающего в себя научно-публицистические работы, которые в широком понимании следует интерпретировать как исторический источник с элементами анализа [13]. Доступную для исследования источниковую базу по политике РФ в отношении Южной Осетии целесообразно классифицировать по их происхождению и функциональному назначению.

1. *Законодательные акты государств региона.* Данная группа раскрывает основные государственные интересы, цели и задачи стран, как в регионе, так и на международной арене [3; 6]; позволяет выявить внутригосударственные подходы к проблеме, возможности ее урегулирования, а также выявить трансформацию политики РФ в зоне конфликта от декларативно-нейтральной, в условиях последствий кризиса советской государственности, до продуктивно-деятельной, на законодательном уровне обеспечивающей интересы РФ в регионе. Анализ ст. 14 ФЗ РФ «О гражданстве» показывает, что Москва с учетом приверженности принципа территориальной целостности Грузии, косвенно содействовала получению жителями Южной Осетии российского гражданства, в упрощенном порядке [6]. Исследование двусторонних документов РФ и Южной Осетией свидетельствует о формировании отношений с позиций международного права, ассоциированного формата взаимодействия. Оперативность разработки и подписания пакетов документов позволяет убедиться в стремлении РФ закрепить правосубъектность Южной Осетии, а также свое военно-политическое и дипломатическое влияние в регионе [9, с. 68].

2. *Делопроизводственные документы государственных органов* [5]. Их анализ позволяет сделать выводы о достижениях и кризисах межгосударственных отношений, приоритетах и методах внешней политики РФ, Грузии и Южной Осетии. Так, значительный массив документов (заявления, комментарии, стенограммы), опубликован на сайте МИД РФ в подразделе «Закавказье» раздела «Позиции России в урегулировании международных и региональных конфликтов». Анализ документов данной группы позволяет прийти к выводу